

Незамеченный дворцовый переворот

М. С. Белоусов

Для цитирования: Белоусов М. С. Незамеченный дворцовый переворот // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 79–97.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.105>

Статья посвящена истории возникновения и развития политического кризиса междуцарствия 1825 г. Центральный вопрос статьи — по какой причине Николай, получив известие о смерти Александра I, решил принести присягу своему старшему брату Константину. Анализ историографии показывает, что в литературе представлены самые противоположные интерпретации этого события: Николай действовал под давлением М. А. Милорадовича и/или Марии Федоровны, совместно с генерал-губернатором и/или императрицей-матерью. Важным аспектом работы является исследование юридической составляющей проблемы престолонаследия. Показано, что к ноябрю 1825 г. сложилась необычная ситуация: по закону наследник — Константин, по семейному соглашению — Николай. В статье с опорой на источники доказываем, что манифест Александра I о передаче престола Николаю являлся образцом сепаратного семейного акта и никогда не должен был быть опубликован. На основе широкого перечня материалов (документов делопроизводства государственных органов, мемуаров и писем участников событий, допросов декабристов на следствии, депеш и сообщений иностранных послов, находившихся в Санкт-Петербурге) реконструируется ход совещаний 25 ноября, описываются особенности принесения присяги 27 ноября и выявляется обусловленное этими событиями направление развития династического кризиса. Ключевыми из перечисленных выше источников можно считать донесения австрийского посланника Л. Лебцельтерна и испанского представителя Паеса де ла Кадена, ранее не использовавшиеся исследователями при анализе событий 1825 г. Отмечено, что у Николая был сложный план захвата власти, включающий в себя объединение с представителями генералитета и высшей бюрократии, присягу (в нарушение сложившейся традиции) в пользу Константина, давление на старшего брата и в конечном счете провозглашение себя императором. Подчеркивается решающая роль петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича как ключевого сторонника и «общчника» молодого великого князя. Затрагивается вопрос о распространившихся в петербургском обществе слухах об отделении Польши и убийстве Константина.

Ключевые слова: декабристы, движение декабристов, Николай I, великий князь Константин Павлович, М. А. Милорадович, заговор, присяга.

Михаил Сергеевич Белоусов — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; m.belousov@spbu.ru

Mikhail S. Belousov — PhD (History), Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; m.belousov@spbu.ru

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-78-00040 «Антропология политического кризиса: кейс междуцарствия 1825 года» Российского научного фонда.

This research was supported by the grant No. 19-78-00040 “Anthropology of the Political Crisis: A Case of the Interregnum of 1825” of the Russian Science Foundation.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Unnoticed Coup D'état

M. S. Belousov

For citation: Belousov M.S. Unnoticed Coup D'état. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 1, pp. 79–97. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.105> (In Russian)

The article is devoted to the history of the emergence and development of the political crisis of the Interregnum. The central question of the article is examination of the reason why Nikolai, having received news of the death of Alexander, decided to swear allegiance to Konstantin. An analysis of historiography demonstrates that the most diametrical interpretations of this event are presented in the literature: Nikolai acted under pressure from M. A. Miloradovich and/or Maria Fedorovna, together with the Governor-General and/or Empress Mother. An important aspect of the work is the study of the normative component of the problem of succession. It is shown that by November 1825 a contradictory situation had developed: by law the heir was Konstantin, by family agreement — Nikolai. The article justifiably proves that the Manifesto of Alexander I on the transfer of the throne of Nicholas was a model of separate family law and was never supposed to be published. On the basis of a wide range of sources, the article reconstructs the course of meetings on November 25, describes the features of taking the oath on November 27, and reveals the development of the dynastic crisis arising from them. It is demonstrated that Nicholas had a complex plan to seize power, which implied unification with representatives of the generals and the highest bureaucracy, an oath in favor of Konstantin in violation of the established tradition, pressure on his older brother and, ultimately, the proclamation of emperor. The article presents the question of rumors spread in St. Petersburg society related to the secession of Poland and the hypothetical murder of Constantine.

Keywords: Decembrists, Decembrist movement, Nicholas I, Grand Duke Konstantin Pavlovich, M. A. Miloradovich, conspiracy, oath.

14 декабря произошло восстание декабристов, яркое и неоднозначное событие — «первая вооруженная попытка штурма самодержавия», как часто писали советские историки, а Р. Уортман считал, что «бунт впервые с 1730 г. открыто отверг петровский миф, провозгласивший императора главным движителем светского прогресса»¹. В любом случае это событие тектонического масштаба привлекло к себе пристальное внимание как современников, так впоследствии и исследователей. Гвардейский мятеж оставил в тени борьбу, происходившую в чертогах дворцов, а именно возникший после смерти Александра I династический кризис. Рассмотрим основные точки зрения, представленные в историографии об особенностях его возникновения, логике и ходе развития.

Обстоятельства начала междоусобия хорошо известны. 27 ноября 1825 г. в Санкт-Петербург прибывает курьер с сообщением о смерти Александра I. Царская семья в это время находится в церкви Зимнего дворца. Как только Николай узнает о произошедшем, он немедленно приказывает прекратить службу и, вопреки манифесту умершего императора, произносит слова присяги своему старшему брату Константину². После этого Николай, действуя быстро и решительно, организывает присягу караула, гвардии и высших органов государственной власти.

¹ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1. М., 2006. С. 348.

² От брата Николая к брату Константину // Междоусобие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 130.

М. А. Корф объяснит мотивы подобного поведения Николая рыцарским благородством великого князя: «Долг сыновий был исполнен. Предстоял еще один священный долг — старшего сына Русской земли»³. М. А. Корф четко зафиксировал логику событий (присяга Николая по собственной инициативе; его требование, чтобы принесли присягу и члены Государственного совета; манифест Сената), но сделал при этом акцент именно на том, что великий князь руководствовался исключительно чувством долга и точно следовал букве закона⁴. А. И. Герцен и Н. П. Огарев, будучи первыми критиками правительственной концепции, ничего противоестественного в юридическом смысле слова в описанных событиях не обнаружили, представив эпизод как образчик наигранного и демонстративного рыцарства, то есть, по сути дела, повторили интерпретацию Корфа, но знак плюс в оценке поступков великого князя привычно заменили на минус⁵.

Достаточно много внимания ситуации возникновения междуцарствия посвятил Н. К. Шильдер⁶. В целом следуя за оценками М. А. Корфа, он сделал ряд ценных и интересных наблюдений. Реконструируя обстоятельства встреч и совещаний 25–27 ноября 1825 г., Н. К. Шильдер первым сформулировал идею о давлении М. А. Милорадовича на Николая, а также обратил внимание на то, что, согласно действовавшей традиции, «присяга не может быть сделана иначе как по манифесту»⁷. Речь идет о сложившейся процедуре перехода престола: новый монарх издает манифест о вступлении, к манифесту прилагается текст «клятвенного обещания», на основе которого затем производится присяга. Отсутствие манифеста от имени Константина заставило Н. К. Шильдера охарактеризовать действия Николая в день 27 ноября как полноценный *coup d'état*⁸.

Интересную интерпретацию этих событий в 1925 г. предложил А. Е. Пресняков. Назвав события междуцарствия династическим кризисом, он также связал поступки Николая в первые дни после получения известия о смерти Александра I с позицией столичного генерал-губернатора М. А. Милорадовича⁹. По мнению историка, 25 ноября 1825 г. последний «возражал решительно» против перехода престола к Николаю, и именно под его давлением Николай 27 ноября 1825 г. принес присягу старшему брату. Данная точка зрения долгие годы оставалась незамеченной советской историографией. Так М. В. Нечкина, фокусируя внимание на восстании 14 декабря 1825 г. как первой попытке буржуазно-демократической революции, подчеркивая масштабность и глобальность событий, фактически проигнорировала проблему логики развития династического кризиса¹⁰. Она воспринимала его лишь как формальный повод, а не как глубинную причину происходящего, поэтому в целом

³ Корф М. А. Восшествие на престол Николая I. СПб., 1857. С. 50.

⁴ Там же. С. 50–62.

⁵ 14 декабря 1825 года и император Николай. Издано редакцией «Полярной звезды». По поводу книги барона Корфа. Лондон, 1858 // 14 декабря 1825 год и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 164–166.

⁶ Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: в 2 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 183–280.

⁷ Там же. С. 260.

⁸ *Coup d'état* — дворцовый переворот (*фр.*). Интересные наблюдения о семантике этого термина см.: *Fyodorov S. E., Kliuchko V. I. Coup d'État at the Age of Formation of the Early Modern State // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 898–907.*

⁹ Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 65.

¹⁰ Нечкина М. В. Восстание декабристов: в 2 т. Т. 2. М., 1955.

в послевоенной марксистской историографии эта проблема оказалась на периферии внимания исследователей.

В годы перестройки Я. А. Гордин на основе суждений А. Е. Преснякова предложил собственную концепцию, изложив ее в яркой литературной форме. По мнению писателя, из-за запутанной династической ситуации «по букве закона ни один из претендентов не имел безусловных прав на престол»¹¹. Такой ситуацией решил воспользоваться М. А. Милорадович и стать «делателем королей» (как тут не вспомнить Войну Алой и Белой розы!), ведь именно он предпринял попытку возвести на престол своего старого боевого товарища — Константина. Главным аргументом петербургского генерал-губернатора должна была выступить контролируемая им гвардия. На встрече 25 ноября, апеллируя к 60 тыс. солдат в его распоряжении, он фактически заставил Николая отказаться от претензий на престол.

Подход Я. А. Гордина к трактовке событий поддержали многие историки, и в 1990–2000 гг. он прочно вошел в историческое сознание как ключевая интерпретационная схема причин возникновения междуцарствия. В частности, похожую точку зрения высказывал В. А. Федоров. Он утверждал, что М. А. Милорадович выступил в пользу Константина, прежде всего ориентируясь на общественное мнение: «...невозможно заставить присягнуть войско и народ иначе как законному наследнику»¹². При этом, будем объективны, эта романтическая гипотеза мало стыкуется с реалиями того времени: удалой генерал, русский Баярд (как его называли), картежник, дамский угодник М. А. Милорадович мало походил на прагматичного авантюриста графа Уорика.

Впервые книга Я. А. Гордина была издана в 1985 г. и быстро завоевала интерес читателей. В 1987 г. был опубликован сборник «Нумизматика в Эрмитаже», на который до сих пор никто из исследователей междуцарствия не обратил должного внимания. Между тем среди статей сборника присутствует любопытное исследование В. А. Калинина, формально посвященное истории константиновского рубля, но фактически являющееся оригинальной интерпретацией обстоятельств возникновения династического кризиса¹³. По мнению автора, в 1819–1823 гг. членами царской семьи было принято решение о передаче престола Николаю после смерти Александра I. Предполагалось, что Константин, как законный наследник, примет престол, обнародует манифест 1823 года и отречется в пользу младшего брата. Именно такой порядок действий подразумевал реализацию планов в рамках существующего порядка престолонаследия и исключал вмешательство придворных группировок в вопрос выбора приемника. Поэтому В. А. Калинин определял ключевыми протагонистами присяги Константину не М. А. Милорадовича и генералитет, а Николая и Марию Федоровну, которые выполняли, без сомнения, собственный план и, возможно, проект почившего императора. Поспешность в принесении присяги и осуществление ее без манифеста объясняется опасениями по поводу возникновения турбулентной ситуации, поскольку она могла перерасти в «кровопролитие»¹⁴.

¹¹ Гордин Я. А. Мятеж реформаторов, 14 декабря 1825 года. Л., 1989.

¹² Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 183.

¹³ Калинин В. А. Константиновский рубль и междуцарствие 1825 г. // Нумизматика в Эрмитаже. Л., 1987. С. 99–124.

¹⁴ Там же. С. 116.

Противоположный подход к этой проблеме предложил М. М. Сафонов. Он ренимировал наблюдение Н. К. Шильдера о порядке перехода престола и роли манифеста нового монарха. По мнению М. М. Сафонова, Николай, присягнув, не имея соответствующего манифеста, грубо нарушил «установленные обычаем правила присяги»¹⁵ и тем самым спровоцировал политический кризис междуцарствия. Но данная трактовка не получила дальнейшей разработки: осталось неясно, каким образом действия великого князя повлияли на логику функционирования государственной машины в переломный момент перехода престола. Историка увлекла другая мысль: в русле теории заговора инициатором поступка Николая стала Мария Федоровна, лидер партии акционеров Русско-американской компании, стремившаяся максимально запутать династическую ситуацию и проложить себе дорогу к престолу. Важную роль в этих событиях, по мнению М. М. Сафонова, играла и «немецкая партия»¹⁶. Но стоит отметить иллюзорность обеих групп влияния: Российско-американская компания к 1825 г. была исключительно колониальным инструментом в руках царского правительства, но никак не влиятельной корпорацией олигархов, а о деятельности какой бы то ни было «немецкой партии» убедительных источников не существует.

Много внимания обстоятельствам междуцарствия в биографических исследованиях о Николае I уделил Л. В. Высокочков¹⁷. В целом выражая симпатию своему протагонисту, он высказывает оценки, близкие М. А. Корфу. Николай предполагал, что в его пользу принято решение о передаче престола, но уверен в этом не был. Присягу он решил совершить, следуя логике существующих законов и опасаясь обвинений в узурпации. Возможно, сыграло свою роль и давление М. А. Милорадовича. Историк скрупулезно рассматривает день за днем деятельность Николая: его встречи, корреспонденцию и т. п. Любопытны наблюдения Л. В. Высокочкова: так, великий князь несколько дней спал, не раздеваясь, а находясь уже в Зимнем дворце, просыпался от каждого шороха и выскакивал в коридор.

Наиболее фундаментальным исследованием обстоятельств возникновения междуцарствия можно считать работу Т. В. Андреевой¹⁸. Анализируя ситуацию с престолонаследием, историк отмечает, что тезис о нежелании Константина принимать престол ретроспективен¹⁹, но тем не менее неопубликованный манифест Александра I оценивается как внутрисемейная сделка. Рассматривая события 25–27 ноября, Т. В. Андреева показывает, что известие о смерти старшего брата Николай воспринял как начало пути к трону. Историк указывает, что последний так спешил с присягой для того, чтобы оградить императорскую семью от вмешательства третьей силы²⁰. При этом у Николая был собственный план, и он подразумевал восшествие и немедленное отречение Константина²¹. Вот почему в обстоятельствах тех дней стоит видеть нечто противоположное концепции Я. А. Гордина: не

¹⁵ Сафонов М. М. Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 168.

¹⁶ Сафонов М. М. Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 529–541.

¹⁷ Высокочков Л. В.: 1) Николай I. М., 2006; 2) Николай I и его эпоха. М., 2018.

¹⁸ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой четверти XIX века. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 555.

¹⁹ Там же. С. 535–536.

²⁰ Там же. С. 560.

²¹ Там же. С. 567.

М. А. Милорадович принуждал Николая, а великий князь de facto руководил действиями генерал-губернатора.

Таким образом, в историографии представлен широкий набор мнений. Николай мог действовать как благородный рыцарь, присягая Константину, или, напротив — под давлением М. А. Милорадовича. Последнего определяют и самостоятельной фигурой, и исполнителем воли Марии Федоровны, которая, возможно, рвалась к трону или же, наоборот, поддерживала младшего сына. Но выделим общую черту всех приведенных концепций: они базируются только на нарративных источниках (письма, мемуары), причем исключительно внутрироссийского происхождения. Из этого следует вывод, что решение ключевых проблем может происходить за счет экстенсивного пути исследования, а именно с помощью привлечения других источников: нарративных, делопроизводственных и дипломатических. Как показано выше, крупнейшая коллизия в истории одной из мировых империй рассматривается в микроисторическом фокусе: историки интересуются встречами, мнениями, репликами ограниченного круга лиц, находившихся в нескольких дворцах. Очевидно, что потрясение подобного рода должно было вызвать цепную реакцию в государственном аппарате и обществе. Одним словом, пока отсутствует окончательный ответ на целый перечень наиболее важных вопросов: почему Александр I так и не опубликовал свое завещание; зачем Николай так спешил с присягой; почему Константин так упорно отказывался направить в столицу документ о полноценном отречении; а также какой отпечаток в конечном итоге наложило восстание декабристов на интерпретацию указанных проблем?

Прежде всего стоит сфокусировать внимание на юридической составляющей проблемы. Конечно же, среди критиков найдется сторонник Э. Кинана и Н. Коллманн, сформулировавших концепцию о неформальном (не регулируемом законами) характере российской политической системы²². Тем не менее стоит иметь в виду, что александровская эпоха — период, когда на авансцену истории вышло первое «непоротое поколение», отличительной особенностью которого было культивирование идей законности²³. Итак, ключевым законоположением, регулирующим процесс перехода трона, был павловский акт о престолонаследии. Абсолютно все вышеназванные исследователи начинали свой анализ династического кризиса именно с этого документа, но, видимо, доверяя своим знаниям, так и не обращаясь к нему непосредственно. Здесь присутствует одна важная деталь: государственный закон скрепляют две подписи — Павла I и Марии Федоровны. А история возникновения акта о престолонаследии не так проста и однозначна, как может показаться на первый взгляд.

На обстоятельства появления данного документа обратил внимание М. Зазыкин: «...приготовляясь в поход на войну против Турции, ввиду могущих произойти в его отсутствие случайностей, цесаревич Павел подписал 4 января 1788 года сов-

---

²² Keenan E. L. Muscovite Political Folkways // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. P. 115–181; Kollmann N. S. Kinship and Politics. The making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford, 1987.

²³ В этом контексте интереснейший анализ пушкинской оды «Вольность» предложил М. М. Карпович (*Карпович М. М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М., 2012. С. 83–84). См. также: *Каменев Е. В.* Понятие закон в мировоззрении декабристов // *Россия XXI*. М., 2013. № 6. С. 74–103; *Марасинова Е.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М., 2017.

местно с женой акт о престолонаследии»²⁴. Далее исследователь показывает, что по своему формату акт о престолонаследии соответствовал широко распространенным в немецких государствах семейным статутам, которые были параллельным источником права и регулировали как внутрисемейные отношения, так и вопросы наследования. Логику Павла Петровича легко реконструировать: убежденный в том, что мать похитила у него престол, он искренне опасался формирования в России традиции феминократии. В случае смерти уже немолодой Екатерины II и самого великого князя, его супруга Мария Федоровна могла бы воспользоваться малолетством их сыновей (на момент подписания акта Александру Павловичу было 10 лет) и добиться провозглашения себя императрицей, как это ранее сделала Екатерина. Вот почему Павел настаивает на подписании акта о престолонаследии (современный обыватель назвал бы подобный документ брачным договором), по которому Мария Федоровна обязуется в случае смерти Екатерины II и отсутствия Павла в столице провозгласить его императором, а в случае смерти и Павла — их старшего сына.

Впоследствии, вступив на престол, Павел опубликовал акт о престолонаследии в день своей коронации в качестве государственного закона с обеими подписями — своей и Марии Федоровны. И именно в таком варианте акт вошел в Полное собрание законов Российской империи. Сам по себе рассматриваемый кейс демонстрирует, что вопросы престолонаследия в российской императорской семье стали регулироваться как государственным, так и сепаратным (постановления по частным случаям) правом. Был создан прецедент, когда внутрисемейная договоренность приобрела форму публичного акта. Крупный дореволюционный правовед Н. М. Коркунов категорически возражал против интерпретации акта о престолонаследии как «семейной сделки»²⁵. Прежде всего потому, что данный документ был составлен без участия формального главы императорской семьи — Екатерины II, а также потому, что он в дальнейшем получил статус государственного закона. Сама по себе постановка вопроса Н. М. Коркуновым подтверждает наш вывод: вопросы престолонаследия регулировались не исключительно государственным законами, а находились на пересечении публичного права и сепаратных семейных актов.

Именно через эту призму стоит рассматривать и постановления 1820-х гг. В 1820 г. Константин обращается к Александру с просьбой предоставить ему разрешение на развод с Анной Федоровной. Император удовлетворяет его просьбу манифестом от 20 марта 1820 г.²⁶ Впоследствии данный документ войдет в Полное собрание законов Российской империи. До 1917 г. многие представители династии Романовых будут просить у действующего императора разрешения на заключение брака или совершение развода. Но только один из них — развод Константина — будет фигурировать в качестве государственного закона. Конечно, стоит отметить, что манифест корректирует акт о престолонаследии и запрещает передавать престол детям, рожденным в браках с представителями неправящих домов, тем не

²⁴ Зазыкин М. Царская власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924. С. 93.

²⁵ Коркунов Н. М. Русское государственное право: в 2 т. Т. 1. СПб., 1909. С. 224.

²⁶ Манифест от 20 марта 1820 г. «О расторжении брака Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича с Великой Княгиней Анной Федоровной и о дополнительном постановлении об Императорской Фамилии» // Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Первое собрание. Т. 37. СПб., 1830. С. 129–130.

менее очевидные следы пересечения внутрисемейного и публичного права здесь присутствуют.

Также следует рассмотреть еще ряд документов, которые впоследствии Николай опубликует в качестве приложений к своему манифесту о восшествии на престол. 14 января 1822 г. Константин обратился с письмом к Александру I об отречении от наследования престола, хотя действовавшие на тот момент законы не давали ему такого права, и в ответ получил согласие. Письмо императора примечательно риторикой, связанной с фигурой императрицы-матери. Александр I пишет, что предъявил письмо их родительнице и что им обоим (Александру и Марии Федоровне) «остаётся, уважив причины», изъясненные Константином, дать тому «полную свободу»²⁷. В итоге получается, что Александр I подчеркивает тот факт, что он отвечает и от своего имени, и от имени матери, придавая этой переписке признаки внутрисемейной договоренности.

16 августа 1823 г. император подписывает манифест о передаче престола Николаю, запечатывает его и собственноручно указывает, что документ должен либо храниться до востребования, либо быть немедленно вскрыт после его смерти. Пакеты с копиями манифеста передаются в Государственный совет, Сенат, Синод и Успенский собор. Целые поколения историков будут пытаться ответить на вопрос: почему Александр I так и не опубликовал манифест? Нам представляется, что ответ содержится на конверте — манифест никогда и не должен был быть опубликован: он мог быть либо отозван, либо вскрыт после смерти императора. Данный манифест стоит воспринимать, как и иные рассмотренные нами документы, в качестве юридической фиксации внутрисемейной договоренности, причем, как и любой сепаратный акт, он вступал в силу после подписания²⁸. И потому публикация Николаем перечисленных выше текстов несла в себе как политическое содержание — продемонстрировать законность своих притязаний на престол, так и нормативное — он пошел на такую же уловку, как и его отец: включая указанные документы в текст собственного манифеста, Николай превращал установления сепаратного характера в государственные законы.

Анализ нормативной стороны вопроса престолонаследия показывает нам, что данная сфера в то время регулировалась документами как частного, так и публичного права. Согласно акту о престолонаследии, единственным законным наследником являлся Константин, а следуя внутрисемейному договору — Николай. Именно поэтому всю риторiku по поводу «сделки» в императорской семье стоит воспринимать не как метафору, а в буквальном смысле. Артикулирование династической ситуации в таком ракурсе мы можем увидеть у всех ключевых акторов династического кризиса: членов императорской семьи, генералитета, иностранных дипломатов и даже декабристов.

Великий князь Михаил говорил Николаю: «Как тут растолковать каждому в народе и войске эти домашние сделки и почему сделалось так, а не иначе?»²⁹ В за-

²⁷ Ответная грамота покойного Императора Александра I, о согласии Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича // ПСЗРИ. Второе собрание. Т. 1. СПб., 1830. С. 4.

²⁸ Староверова Е. В. Отречение цесаревича Константина Павловича от права наследования престола // История государства и права. 2009. № 5. С. 16.

²⁹ Воспоминания великого князя Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. (Записанные бароном М. А. Корфом) // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 362.

писках Зотова мы встречаем фразу М. А. Милорадовича: «Император Александр объявлял, что составил заранее фамильный договор, по которому Константин Павлович отрекается от короны и она передается Николаю Павловичу»³⁰. В передаче декабриста С. П. Трубецкого: «Воля Александра оставалась для народа тайною, и право располагать наследством престола по завещанию подлежало сомнению»³¹. Австрийский посланник Л. Лебцельтерн писал о «манифесте императора Александра в пользу великого князя Николая, составленного с согласия императрицы-матери»³². Декабрист М. С. Лунин подчеркивал: «...это был протест против такого положения вещей, когда судьбой государства распоряжаются посредством завещаний по секрету и отречений втихомолку»³³.

Данная антиномия (по закону — наследник Константин, по семейному соглашению — Николай) четко осознавалась и рефлексировалась всеми заинтересованными участниками политического процесса. Но сам факт подобного юридического казуса указывает, что был только один способ реализовать сложившиеся противоречие: после смерти Александра престол должен был занять Константин и в тот же момент от него отречься в пользу следующего претендента по закону — Николая. Этот момент чрезвычайно важно подчеркнуть: путь к трону Николая лежал через провозглашение императором Константина. Никак иначе из возникшего конфликта законодательства и семейных установлений выйти было невозможно, поэтому наиболее заинтересованной стороной в скорейшем восшествии на престол Константина являлся именно Николай. Но указанный путь имел два основных вектора реализации. Первый заключался в том, чтобы следовать сложившейся традиции: узнав о смерти Александра, дожидаться манифеста от Константина и присягнуть ему, рассчитывая на его отречение. Второй вектор состоял в том, чтобы нарушить привычный порядок (но не закон) перехода престола и немедленно присягнуть Константину, после чего добиваться от него отречения.

Первый вариант имел для Николая существенный недостаток: Константин мог принять престол и забыть о существовании внутрисемейной договоренности. В таком случае у него не оставалось бы никаких аргументов, кроме средств морального давления. Второй путь был более рискованным, так как подразумевал проведение двойной присяги, а значит, высокую вероятность возмущения гвардии, что, безусловно, осознавалось Николаем и его окружением. Михаил так описывал свою реакцию на сообщение о присяге Константину: «Эта весть повергла великого князя в большое волнение. Что будет при повторной присяге? — вскричал он»³⁴. Гвардия не поверила в смерть Александра I, и поэтому колебания проявились уже 27 ноября, в день присяги признаваемому законным наследником Константину. Как сообщал испанский посол Паес де ла Кадена: «Только потребовав новой присяги войск в то самое утро, когда была получена печально известная новость, в Семеновском полку некоторые сержанты выступили вперед и заявили от имени солдат, которые

³⁰ Записки Рафаила Михайловича Зотова // Исторический вестник. 1896. Т. 65. С. 43.

³¹ Записки С. П. Трубецкого // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 66–67.

³² Л. Лебцельтерн — К. Меттерниху (27 ноября / 9 декабря 1825 г.) // Невелев Г. Декабристский контекст: Документы и описания. М., 2012. С. 129.

³³ Лунин М. С. Общественное движение в России в нынешнее царствование. 1840 // Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 137.

³⁴ Воспоминания великого князя Михаила Павловича... С. 360.

даже не слышали о болезни их любимого императора, что они с трудом могут поверить в его смерть и что, только увидев его труп, они готовы поклясться в послушании от чистого сердца»³⁵.

Но Николай был готов пойти на риск гвардейского мятежа, хоть и провел практически все дни междуцарствия в состоянии крайнего беспокойства. 6 декабря его супруга Александра Федоровна записала в дневнике: «И с тех пор он еще более спокоен и с покорностью ожидает бури»³⁶. Показателен эпизод, который приводит Л. В. Выскочков. По его словам, М. А. Бестужев нес караул в Зимнем дворце в ночь с 11 на 12 декабря, при смене караула часовые случайно задели друг друга ружьями, на звук мгновенно открылась дверь из комнаты Николая, и показалось его побледневшее лицо³⁷. Днем 12 декабря Николай пишет Дибичу: «Послезавтра поутру я — государь, или без дыхания»³⁸. Не менее яркое свидетельство присутствует у М. А. Корфа. 13 декабря Николай занялся проектом указа о назначении регента в случае своей смерти³⁹. 14 декабря в 7 часов утра (когда еще не было даже признаков восстания) он скажет А. Бенкендорфу: «Сегодня вечером, может быть, нас обоих не будет более на свете; но по крайней мере мы умрем, исполнив наш долг»⁴⁰. Значит, даже не подозревая о грядущем восстании, Николай в течение длительного времени опасался серьезного военного выступления.

Это можно объяснить тем, что, по словам Т. В. Андреева, еще до начала событий междуцарствия у него был продуман порядок действий восшествия на престол: «...присяга цесаревичу рассматривалась как составная часть плана»⁴¹. Развивая данный тезис, можно утверждать, что, присягая Константину, Николай вполне четко осознавал, что делает лишь шаг к трону. С одной стороны, его, безусловно, беспокоила перспектива солдатского выступления, но, с другой — он не мог не понимать, что подобную тревогу испытывает Константин в связи с необходимостью приехать в Петербург. Как отмечал Евгений Вюртембергский, Константин еще до событий междуцарствия был убежден, что гвардейский мятеж может вспыхнуть по любому, даже малейшему поводу⁴².

Едва ли можно однозначно ответить, когда возник этот план и принадлежал ли он исключительно Николаю, но события накануне междуцарствия дают возможность прояснить это. 25 ноября в столицу приходят известия о тяжелой болезни Александра I. Вечером того же дня состоялось совещание, на котором, по мнению Я. А. Гордина, М. А. Милорадович принудил Николая совершить присягу Констан-

³⁵ Archivo Histórico Nacional (AHN). Estado. Leg. 5919. Despacho no. 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 28. — Дипломат на самом деле ошибся, описанные им события произошли в Преображенском полку.

³⁶ Из дневников Александры Федоровны. Краткий дневник с 27 ноября по 12 декабря 1825 г. Воскресенье 6 (18) декабря, 2 часа // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 86.

³⁷ Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. С. 135.

³⁸ Междуцарствие в России с 19-го по 14-е декабря 1825 года: исторические материалы // Русская старина. 1882. Т. 35, № 7. С. 195–196.

³⁹ Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. С. 139.

⁴⁰ Цит. по: Восшествие на престол императора Николая I-го. Составлено по высочайшему повелению статс-секретарем бароном Корфом. Третье издание (первое для публики). Санкт-Петербург, 1857 // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 263.

⁴¹ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой четверти XIX века. С. 567.

⁴² Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 105.

тину, как только будет получено известие о смерти императора⁴³. Содержание их встречи реконструируется на основе мемуаров С. П. Трубецкого, узнавшего об этом от Ф. П. Опочинина, а предложенная версия верифицируется с помощью записок Зотова. Он записал разговор Милорадовича с Шаховским и зафиксировал фразу генерал-губернатора о том, что он располагает 60 тыс. штыков⁴⁴. Ни один, даже самый смелый, подсчет не дает такой наличной численности гвардейских частей. По мнению Л. Лебцельтерна, в Петербурге было сосредоточено около 40 тыс. гвардейцев⁴⁵. Высказывание об имеющихся силах само по себе на уровне вторичной сигнальной системы указывает на определенное давление и принуждение, но в записках Зотова напрямую об этом не говорится.

Получается, что версия Я. А. Гордина целиком и полностью базируется исключительно на мемуарах С. П. Трубецкого, причем отметим, что он располагал только одной, черновой редакцией текста⁴⁶. Другой, более полный текст, введенный в научный оборот Т. В. Андреевой и П. В. Ильиным, можно охарактеризовать как прошедший тщательную редакцию⁴⁷. В тексте записок, опубликованных В. П. Павловой, упомянутое совещание описывается так: «Вел. кн. Николай Павлович в тот день, как узнал об опасной болезни государя, собрал к себе вечером князей Лопухина и Куракина и гр. Милорадовича, представил им возможность упразднения престола и свои на оный права. Гр. Милорадович решительно отказал ему в содействии, опираясь на невозможность заставить присягнуть войско и народ иначе как законному наследнику»⁴⁸. И здесь, согласимся с Я. А. Гординым, элемент принуждения присутствует. Но в версии записок, подготовленных П. В. Ильиным и Т. В. Андреевой, мы сюжета о давлении не находим: «Следовательно, один Константин мог почитаться истинным законным наследником. Это мнение выразил и С.-Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович, когда был приглашен великим князем Николаем Павловичем на совет в Аничков дворец...»⁴⁹

Таким образом, сюжет о давлении М. А. Милорадовича на Николая присутствует в черновом варианте, в версии же, более обработанной автором, приводится лишь сам факт того, что генерал-губернатор выразил такое мнение. При этом стоит подчеркнуть, что к написанию «Записок» С. П. Трубецкой приступил не ранее 1840-х гг.⁵⁰, поэтому в любом случае речь идет о достаточно ретроспективном взгляде на произошедшие события. Обратим внимание, что в 1825 г. С. П. Трубецкой уже состоял в родственных связях с Л. Лебцельтерном, находился в ближнем круге его общения и даже был арестован в его доме в ночь с 14 на 15 декабря. Ис-

⁴³ Гордин Я. А. Мятеж реформаторов... С. 23–27.

⁴⁴ Записки Рафаила Михайловича Зотова. С. 43.

⁴⁵ Л. Лебцельтерн — К. Меттерниху (29 ноября / 11 декабря 1825 г.) // Невелев Г. Декабристский контекст. С. 136.

⁴⁶ Записки С. П. Трубецкого // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Т. 1. Иркутск, 1983.

⁴⁷ Ильин П. В. Неизвестные записки С. П. Трубецкого // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому. С. 31.

⁴⁸ Записки С. П. Трубецкого // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 233.

⁴⁹ Записки С. П. Трубецкого // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. С. 66–67.

⁵⁰ Павлова В. П. Комментарий // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 352–360.

точник информации о событиях 25 ноября у них был общий — Ф.П.Опочинин, поэтому сообщение С.П.Трубецкого стоит сопоставить с депешей австрийского посланника, который писал: «Великий князь Николай открыто заявил о своих намерениях генералам Милорадовичу, Воинову и Потапову 25 ноября / 7 декабря, когда впервые тревожные новости стали поступать из Таганрога... И тогда великий князь Николай ответил им, что следует полагаться на Божественное милосердие и выздоровление императора, однако если Небо рассудит иначе, прежде всего нужно будет признать его старшего брата Константина законным наследником и принести ему клятву верности»⁵¹.

В этом фрагменте мы видим прямо противоположную репликам С.П.Трубецкого картину. Инициатива о присяге Константину исходила не от М.А.Милорадовича, а от Николая. Сопоставляя источник мемуарного характера с синхронным, мы должны отдать приоритет достоверности последнему. Тем более что далее Л.Лебцельтерн описывает фактически государственный переворот и в качестве руководителя называет Николая: «Кажется, великий князь Николай убедился в надежности этих военачальников, и прежде всего между ними ночью с 26 на 27 ноября / 8–9 декабря у князя Лопухина, председателя Государственного совета, где присутствовал также старый министр юстиции князь Лобанов, были оговорены меры, которые следует предпринять в случае кончины императора. Подобное секретное совещание имело место также у господина Опочинина, фаворита великого князя Константина. Передача власти подготавливалась заранее под руководством великого князя Николая...»⁵²

Обратим внимание, что Л.Лебцельтерн указывает на факт совещания, которое ранее не фиксировалось в научной литературе, — состоявшегося в ночь с 26 на 27 ноября. И четко называет круг заговорщиков: Николай, М.А.Милорадович, А.Л.Воинов, П.В.Лопухин, Д.И.Лобанов-Ростовский. События следующего дня (27 ноября), наоборот, подробно проанализированы в литературе: Николай, получив известие о смерти, мгновенно присягнул сам и фактически принудил сделать то же самое Государственный совет⁵³. Считается, что его инициатива вызвала сопротивление только со стороны П.В.Лопухина и А.Н.Голицына. Депеши Л.Лебцельтерна дают возможность скорректировать данный тезис. Он приводит эпизод беседы двух сановников. П.В.Лопухин, встретив А.Н.Голицына, заявил: «Говорят, что уже приносят присягу... И я иду присягать»⁵⁴. В ответ А.Н.Голицын напомнил ему о секретном пакете. Этот диалог заставляет нас перенести П.В.Лопухина из числа противников присяги Константину в перечень ее пусть и несколько колеблющихся, но сторонников. А что касается А.Н.Голицына, то обратим внимание на наблюдение Л.В.Высочкова: Николай и Голицын за весь период междуцарствия встретились как минимум 18 раз, последний стал одним из наиболее доверенных конфиденентов великого князя в тот переломный момент⁵⁵.

⁵¹ Л.Лебцельтерн — К.Меттерниху, 25 декабря 1825 / 6 января 1826 // Невелев Г. Декабристский контекст. С. 126.

⁵² Там же.

⁵³ Помимо вышеназванных публикаций см.: *Ружицкая И. В.* Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб., 2018. С. 51–57.

⁵⁴ Л.Лебцельтерн — К.Меттерниху (27 ноября / 9 декабря 1825 г.) // Невелев Г. Декабристский контекст. С. 128.

⁵⁵ *Высочков Л. В.* Николай I и его эпоха. С. 191.

Таким образом, можно утверждать, что Николаю достаточно легко и без сопротивления удалось подчинить своей воле Государственный совет. О единственном случае существенного сопротивления писал Л. Лебцельтерн, имея ввиду исключительно адмирала Н. С. Мордвинова. Он произнес неприятную для Николая речь и заявил, что последний «пользуется правом и авторитетом провозглашенного монарха, не будучи им»⁵⁶. Видимо, поэтому через две с небольшим недели, когда Государственный совет будет собран уже для принесения присяги Николаю, в декабристской среде распространится слух, что адмирала на это заседание не допустили⁵⁷. Впрочем, по воспоминаниям его дочери и согласно протоколу совета, Н. С. Мордвинов присутствовал на заседании и был среди принесших присягу Николаю⁵⁸.

После Государственного совета Константину присягнул Сенат: «князь Лобанов-Ростовский созвал Сенат и пригласил сенаторов от имени великого князя последовать общему примеру и принести присягу Константину I. Сенат поклялся в верности новому императору, не высказав никаких соображений»⁵⁹. В тексте указа Сената напрямую говорится о том, что «Министр юстиции объявил горестное известие» и тогда «Правительствующий сенат учинил присягу»⁶⁰. Причем для присяги был использован текст клятвенного обещания, эквивалентный варианту 1801 г., только с другим именем, что лишний раз подчеркивает реальную фиктивность данного документа.

Анализируя основной текст манифеста, Н. Д. Потапова пришла к выводу, что «при всех дискурсивных отличиях манифест отражал привычную, рутинную практику, оставив ритуальные формы»⁶¹. С подобным тезисом вряд ли можно согласиться. Прежде всего отметим, что юридически повторялась ситуация 1725 г.: основанием для присяги населения становился манифест Сената, а не нового императора. И если в 1725 г. можно было дать обоснованную мотивировку такого действия (по закону император назначает наследника, но Петр I этого не сделал), то в 1825 г. для подобного никаких юридических оснований не существовало. Так возник самый главный бюрократический нонсенс: правоустанавливающим действием Сенат обозначает устное сообщение министра юстиций.

Похожую картину мы можем наблюдать в протоколах Синода. В документах канцелярии Синода есть три записи от 27 ноября 1825 г., все они посвящены факту

---

⁵⁶ Л. Лебцельтерн — К. Меттерниху (27 ноября / 9 декабря 1825 г.) // Невелев Г. Декабристский контекст. С. 130.

⁵⁷ Дело А. П. Арбузова // Восстание декабристов. Т. 2. М.; Л., 1926. (Материалы по истории восстания декабристов). С. 30; Дело М. А. Бодиско // Там же. Т. 15. М., 1979. С. 24.

⁵⁸ *Мордвинова Н. Н.* Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. Записки его дочери // Записки русских женщин XVIII — первой половины XIX века. М., 1990. С. 433; Список Государственного совета в общем чрезвычайном и тайном собрании 13 и 14 декабря 1825 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 542 (Оленины). Ед. хр. 430. Л. 15–17.

⁵⁹ Л. Лебцельтерн — К. Меттерниху (27 ноября / 9 декабря 1825 г.) // Невелев Г. Декабристский контекст. С. 130–131.

⁶⁰ Сенатский указ 30592 от 27 ноября 1825 года «О кончине Императора Александра Павловича, и о принятии присяги на верность подданства Государю Императору, Константину Павловичу» // ПСЗ РИ. Т. 40. СПб., 1830. С. 616–617.

⁶¹ *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017. С. 129.

смерти Александра I и присяге законному новому императору — наследнику Константину. В первой из них говорится: «1825-го года ноября 27-го дня по полудни в 4 часа в собрание Святейшего правительствующего синода прибыв синодальные члены и г<осподин> обер-прокурор из Придворного большого собора, объявили, что Его Императорское Величество государь император Александр Павлович во время пребывания своего в Таганроге, по объявлению Его Императорским Высочеством, Великим князем Николаем Павловичем (sic! — М. Б.) и Государственным советом, сего месяца 19-го числа в 10-ть часов по полуночи, по жестокой болезни, от сего временного жития отиде в вечное блаженство, и что они, синодальные члены и обер-прокурор, учинили присягу на верность подданства законному наследнику Его Императорскому Величеству государю императору Константину Павловичу в упоминаемом соборе»⁶². Получается достаточно странная картина. Во всех предшествующих случаях перехода престола Синод ссылался на манифест нового императора и ведение (сообщение) Сената. В данном случае в протоколе фиксируется, что члены Синода и обер-прокурор присутствовали на молебне, узнали о смерти Александра I и по решению Николая и Государственного совета осуществили присягу. Иными словами, как и сенаторы, члены Синода действовали без какого-либо правоустанавливающего документа, следуя лишь устным распоряжениям.

Не менее симптоматично это явление отразилось во внешнеполитической сфере. В тот же день К. В. Нессельроде вручил представителям иностранных государств, аккредитованным при российском дворе, циркулярные ноты о произошедшем. Текст их был идентичен и сообщал: «После получения известия члены августейшей семьи, министры, Государственный совет, собрались во дворце, и великий князь Николай первым, а затем и все остальные присягнули императору Константину»⁶³. В этом документе описываются события, которые на самом деле не происходили. Из широкого круга источников мы знаем, что сначала произошла присяга царской семьи и только после этого началось обсуждение вопроса в Государственном совете. В ноте же — совсем иная картина: и царская семья, и министры, и члены Государственного совета совершают присягу одновременно, следуя примеру Николая. Отметим, что известие о смерти Александра I пришло в столицу около полудня, процесс присяги занял некоторое время, а на документах послов стоит в качестве даты получения именно 27 ноября. Суммируя эти обстоятельства, мы можем предположить, что документы были подготовлены либо заранее, либо Нессельроде отдал распоряжение об их составлении сразу же после появления курьера из Таганрога, поэтому в циркулярной ноте зафиксирован ход событий, который должен был произойти согласно плану Николая.

Таким образом, 27 ноября имела место бюрократическая аномалия. С одной стороны, три высших государственных органа империи осуществили присягу новому императору без манифеста последнего и ориентируясь исключительно на устные указания Николая. С другой — министр иностранных дел сообщает предста-

⁶² Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 27 ноября 1825 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 796: Канцелярия Святейшего синода. Оп. 209. Д. 520. № 68. Л. 200.

⁶³ Отметим, что испанский посланник Паес де ла Кадена отсылал депеши в Мадрид раз в 3–4 дня, поэтому циркулярная нота была направлена только 1 (13) декабря. AHN. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 137 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.13). Fol. 2–3; Les rapports de l'ambassade d'Autriche a Saint-Petersbourg sur la conjuration des Decabristes // Le Monde Slave. 1926. No. 1. P. 97–98.

вителям иностранных государств о переломном событии в жизни ведущей мировой державы, допуская явную неточность. Современники отрефлексируют данное событие как государственный переворот. Супруга великого князя Александра Федоровна записала в дневнике: «Михаил высказывал такие ложные мысли о благородном поведении Николая, которое он называл революционным»⁶⁴. Лебцельтерн события 27 ноября систематически артикулировал как «переворот»⁶⁵, при этом восстание декабристов именовал революцией. Подобные оценки звучали даже со стороны декабристов на следствии. Они обращали внимание на возникшую юридическую коллизию: вместо манифеста нового императора использовалось постановление Сената⁶⁶.

Ключевым «сообщником» Николая в деле подчинение себе всей высшей бюрократии и гвардии был М. А. Милорадович. Он реализовывал план великого князя даже в мелочах. Как отмечал Зотов: «С той минуты все государственные акты и даже подорожные, подписываемые Милорадовичем, писались на имя императора Константина»⁶⁷ (кстати говоря, одну из подорожных карт привел в качестве приложения Н. К. Шильдер⁶⁸). Итак, еще раз подчеркнем, что все имеющиеся у нас источники однозначно свидетельствуют, что Николай и Милорадович были в тот момент союзниками, а на какой-либо антагонизм указывает лишь одна единственная фигура речи в черновом варианте записок С. П. Трубецкого. М. А. Милорадович погибнет в день восшествия Николая на престол. Новый император напишет умирающему генерал-губернатору трогательное письмо, а после его смерти погасит его огромные карточные долги⁶⁹. Вряд ли такой поступок можно было бы совершить по отношению к политическому оппоненту.

Итак, мы видим, что все атрибуты нового правления возникали исключительно по устным распоряжениям Николая и М. А. Милорадовича — именно в данной бюрократической аномалии содержится ответ на вопрос, который мучил целые поколения нумизматов. Речь идет о константиновском рубле и проблеме, связанной с его созданием, — источники указывают, что подготовка новой монеты началась по инициативе министра финансов Е. Ф. Канкрин, хотя никаких специальных указаний ему не давалось⁷⁰. Подорожные грамоты, присяга в театрах, новая монета, государственные пакеты, ежедневно приходящие на имя императора Константина, — представляется, что все это нарочитое артикулирование Константина как нового императора без его формального согласия на трон было формой психологического давления.

Каждый высший государственный орган направлял в Варшаву документы с новым поименованием великого князя, тем самым вольно или невольно демон-

⁶⁴ Из дневников Александры Федоровны. Краткий дневник с 27 ноября по 12 декабря 1825 г. Воскресенье 6 (18) декабря, 2 часа // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 86.

⁶⁵ Л. Лебцельтерн — К. Меттерниху (25 декабря 1825 / 6 января 1826 г.) // Невелев Г. Декабристский контекст. С. 125

⁶⁶ Дело Г. С. Батенькова // Восстание декабристов. Т. 14. М., 1976 (Материалы по истории восстания декабристов). С. 85; Дело князя С. П. Трубецкого // Там же. Т. 1. С. 42.

⁶⁷ Записки Рафаила Михайловича Зотова. С. 43–44.

⁶⁸ Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. С. 897.

⁶⁹ Сафонов М. М. Гибель русского баярда // Родина. 2011. № 7. С. 101–103.

⁷⁰ Калинин В. А. Константиновский рубль и междуцарствие 1825 г. // Нумизматика в Эрмитаже. С. 102–104; см. также: Константиновский рубль. Новые материалы и исследования. М., 1991.

стрируя абсолютную управляемость и подчиненность высшей бюрократии Николаю. Кроме того, ему удалось убедить общественное мнение в том, что Константин стал императором. «Константин может говорить все, что угодно, но он, безусловно, побывал на троне»⁷¹, — писала Анна Дисброу, супруга временного главы британской миссии после отъезда Стрэнгфорда. Указанное обстоятельство вкупе с активнейшим содействием Николаю со стороны М. А. Милорадовича, у которого «в кармане» был весь гвардейский корпус, не могли не усилить тревогу Константина. Он и так был уверен, что ему уготован финал жизни, похожий на то, что произошло между его отцом Павлом и старшим братом Александром. Ведь, как это часто бывало в истории, от полного контроля над государственной машиной до организации политического убийства — всего один шаг. Обстоятельства возникновения и течения междуцарствия убеждали его в этом. Неудивительно, что в самых широких общественных кругах непрерывно появлялись слухи о его убийстве или задержании⁷².

Тем не менее Константин занимал твердую позицию. Несмотря на все уговоры, он отказывался ехать в Петербург и отправлять в столицу полноценное отречение. Мы можем предположить, что он рассчитывал на то, что Николай предложит ему еще одну семейную сделку — независимую Польшу. Современникам подобный сценарий казался вполне реальным и вероятным. 2 декабря испанский посол Паес де ла Кадена в депеше в Мадрид пишет: «Если он [Константин] будет настаивать на отказе [от престола], мне не кажется, что он сможет прекратить удерживать как минимум царство Польское, которым уже столько лет счастливо правит; и как только он столь великодушно уступит свою Империю, неотвратимым последствием этого может стать независимость этого царства, руководить которым он бы продолжил, будучи естественным образом с ним связан, и которое ему столь дорого»⁷³. Подобные идеи звучали и на следствии. А. Бестужев утверждал: «Все стихло, как вдруг стали носиться слухи, что он [Константин Павлович] отказывается; что Польша с Литвой отойдет от России, дабы не обделить экс-императора...»⁷⁴ Похожую цитату из источника приводил С. Б. Окунь: «...глухо молва и на разные лады начала шептать, что цесаревич Константин Павлович не принимает короны российской империи, а, уступая все наследие своему брату Николаю, желает быть королем Польши»⁷⁵.

Такое развитие событий нельзя считать чем-то противоестественным. Как заметил М. М. Карнович, ссылаясь на письмо Ф. В. Ростопчина С. Р. Воронцову, подобный проект впервые был озвучен еще в 1789 г.⁷⁶ Константин в случае успеха

⁷¹ А. Дисброу — Р. Кеннеди (Санкт-Петербург, 14/26 декабря 1825) // Невелев Г. Декабристский контекст. С. 235.

⁷² См. подробнее: Кудряшов К. В. Народная молва о декабрьских событиях 1825 года // Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825–1925. Л., 1926. С. 311–323; Сыроечковский В. Е. Московские «слухи» 1825–1826 гг. // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 3 (112). С. 59–86; Чернов С. Н. Слухи 1825–1826 годов (Фольклор и история) // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 329–346; Рахматуллин М. А. Легенда о Константине в народных толках и слухах 1825–1828 гг. // Феодализм в России. Сборник статей, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 298–308.

⁷³ АНН. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 27.

⁷⁴ Дело А. А. Бестужева // Восстание декабристов. Т. 1. С. 436.

⁷⁵ Окунь С. Б. История СССР. 1796–1825. Л., 1947. С. 451.

⁷⁶ Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович: биографический очерк. СПб., 1899. С. 165.

в 1825 г., несмотря на свое происхождение и вероисповедание, женатый вторым браком на польке, безусловно получил бы признание западноевропейской общечеловеческой ответственности. Ее позиция в польском вопросе к тому времени стала вполне определенной⁷⁷, и таким образом (усилиями французских публицистов) занял бы одно из самых почетных мест в пантеоне национальных героев Польши. Для Николая, напротив, такой ход дел сулил масштабные внутривластные проблемы, столкнувшись с которыми ему, вероятно, не удалось бы удержать за собой доставшийся ему императорский престол. Острота польского вопроса достигала столь большого накала, что любые покровительские интенции правительства активировали сценарий цареубийства⁷⁸. Оговоримся, что эта историческая реконструкция, видимо, никогда не найдет прямого подтверждения: маловероятно, что Константин или Николай, равно как и их конфиденты, могли бы, учитывая все аспекты, хоть намеком обмолвиться на эту заповедную тему.

Возвращаясь к развитию кризиса междуцарствия, отметим, что в конце концов первым, у кого не выдержали нервы, оказался Николай. Так и не добившись окончательной реализации своего плана — получить у Константина полноценное отречение, — он решил провозгласить себя императором. С юридической точки зрения с 27 ноября к 13 декабря ничего не изменилось. Законным наследником Александра оставался Константин. Николай лишь упрочил его позиции в глазах общественного мнения, организовав повсеместную присягу. В качестве иллюстрации приведем другую фразу М. А. Милорадовича: «Боюсь за успех дела, гвардия очень привержена Константину»⁷⁹. Николай придумал несколько уловок, в частности приложил к своему манифесту все документы, относящиеся к отказу от престола со стороны Константина, но с формальной точки зрения это не делало его легитимным претендентом. Он должен был совершить еще один переворот, наподобие событий 1762 г. А значит, все события 14 декабря мы должны рассматривать совершенно с других позиций. Историки фокусировались на тайном обществе, плане восстания С. П. Трубецкого, волнительной атмосфере кануна мятежа и поиска лидерами конспирации решений в непростой ситуации. Все то же самое происходило в правительственном лагере.

Американский историк Р. Уортман вполне обоснованно отмечал: «Николай фактически предпринял государственный переворот. Единственными защитниками буквы закона о престолонаследии, как ни парадоксально, были восставшие полки на площади»⁸⁰. В историографии уже звучала подобная характеристика восшествия Николая на престол, но оставалась по сути своей гипотезой. В настоящей статье мы предприняли попытку сформулировать весомые доказательства того, что у Николая возник собственный сложный план захвата власти, подразумевавший объединение с представителями генералитета и высшей бюрократии, присягу Константину в нарушение сложившейся традиции, давление на старшего брата и в конечном счете — провозглашение себя императором. Подобная интерпретация

⁷⁷ Belousov M. S., Belousov A. S. The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, вып. 4. С. 1195–1212.

⁷⁸ Belousov M. S. Moscow Conspiracy of the Decembrists // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 1. С. 29–40.

⁷⁹ Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 110.

⁸⁰ Уортман Р. Сценарии власти. Т. 1. С. 351.

никак не принижает Николая Павловича, наоборот: история междоусобицы показывает его трезвым политическим игроком, который делает крупную игру и в итоге побеждает в ней. Нет ничего зазорного в стремлении стать российским императором. Важно понимать, что великий князь не отправлял к брату убийц, как это часто бывало в истории, а увидел лазейки в сложившемся законодательстве и умело воспользовался ситуацией. Иначе реконструированная логика событий подталкивает нас совсем по-другому посмотреть на события 14 декабря и в результате увидеть в них две параллельные, но пересекающиеся линии — неудачную попытку переворота со стороны тайного общества и успешное завершение *coup d'état* Николая.

References

- Andreeva T. V. *Secret societies in Russia in the first third of the 19th century: Government policy and public opinion*. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009, 912 p. (In Russian)
- Belousov M. S. Moscow Conspiracy of the Decembrists. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 1, pp. 29–40.
- Belousov M. S., Belousov A. S. The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 4, pp. 1195–1212.
- Chernov S. N. Rumors of 1825–1826 (Folklore and History). *Chernov S. N. U istokov russkogo osvoboditel'nogo dvizheniia*. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1960, pp. 329–346. (In Russian)
- Fedorov V. A. *Decembrists and their time*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1992, 272 p. (In Russian)
- Fyodorov S. E., Kliuchko B. I. Coup d'État at the Age of Formation of the Early Modern State. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 3, pp. 898–907.
- Gordin Ya. A. *Revolt of the reformers: December 14, 1825*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, 400 p. (In Russian)
- Il'in P. V. Unknown notes of S. P. Trubetskoy. *Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg.* St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2011, pp. 9–50. (In Russian)
- Kalinin V. A. Konstantinovsky ruble wheel and the interunit of 1825 *Numizmatika v Ermitazhe*. Leningrad, [s. n.], 1987, pp. 99–124. (In Russian)
- Kamenev E. V. The concept of law in the worldview of the Decembrists. *Rossii XXI*. Moscow, 2013, no. 6, pp. 74–103. (In Russian)
- Karnovich E. P. *Tsarevich Konstantin Pavlovich: biographical sketch*. St. Petersburg, Printing house A. S. Suvorin, 1899, 296 p. (In Russian)
- Karpovich M. M. *Lectures on the intellectual history of Russia (18th — early 20th century)*. Moscow, Russkii pyt' Publ., 2012, 352 p. (In Russian)
- Keenan E. L. Muscovite Political Folkways. *The Russian Review*. 1986, vol. 45, pp. 115–181.
- Kollmann N. S. *Kinship and Politics. The making of the Muscovite Political Systeme, 1345–1547*. Stanford, Stanford University Press, 1987, 324 p.
- Korf M. A. *Accession to the throne of Emperor Nicholas I*. St. Petersburg, Tipografiia II-go Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imp. Vel. Kantseliarii, 1857, 250 p. (In Russian)
- Korkunov N. M. *Russian State Law*. Vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1909, 623 p. (In Russian)
- Kudriashov K. V. Popular rumor about the events of December 1825. *Bunt dekabristov*. Leningrad, Byloe Publ., 1926, pp. 311–323. (In Russian)
- Marasinoва E. “Law” and “citizen” in Russia in the second half of the 18th century: essays on the history of public consciousness. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 512 p. (In Russian)
- Nechkina M. V. *Decembrist revolt*. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1955, 508 p. (In Russian)
- Okun' S. B. *History of the USSR. 1796–1825*. Leningrad, Leningrad University Press, 1947, 492 p. (In Russian)
- Pavlova V. P. Comment. S. P. Trubetskoi. *Materialy o zhizni i revoliutsionnoi deiatel'nosti*. Vol. 1. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe khizhnoe izdatel'stvo, 1983, pp. 352–360. (In Russian)

- Potapova N. D. *Speaking from their Cells: Discourse and Political Strategies of the Decemberists*. St. Petersburg, Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017, 417 p. (In Russian)
- Presniakov A. E. *December 14, 1825*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926, 226 p. (In Russian)
- Rakhmatullin M. A. The legend of Constantine in popular rumors and rumors 1825–1828. *Feodalizm v Rossii*. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 298–308. (In Russian)
- Ruzhitskaia I. V. *State Council under Nicholas I: peculiarities of functioning*. Moscow, St. Petersburg, Institut rossiiskoi istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018, 312 p. (In Russian)
- Safonov M. M. Interregnum. *Dom Romanovykh v istorii Rossii*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1995, pp. 166–181. (In Russian)
- Safonov M. M. Konstantinovsky ruble and the “German party”. *Srednevekovaia i novaia Rossiia. Sbornik nauchnykh trudov*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996, pp. 529–541. (In Russian)
- Safonov M. M. The death of the Russian bayard. *Rodina*, 2011, no. 7, pp. 101–103. (In Russian)
- Shil'der N. K. *Emperor Nicholas the First. His Life and Reign*. Vol. 1. St. Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina Publ., 1903, 472 p. (In Russian)
- Staroverova E. V. Abdication of Tsarevich Konstantin Pavlovich from the right to inherit the throne. *Istoriia gosudarstva i prava*, 2009, no. 5, pp. 14–16. (In Russian)
- Syroechkovskii V. E. Moscow “rumors” of 1825–1826. *Katorga i ssylka*, 1934, book 3 (112), pp. 59–86. (In Russian)
- Vyskochkov L. V. *Nicholas I*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006, 694 p. (In Russian)
- Vyskochkov L. V. *Nicholas I and his era*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018, 999 p. (In Russian)
- Wortman R. *Power scenarios. Myths and ceremonies of the Russian monarchy*. Vol. 1. Moscow, OGI Publ., 2006, 605 p. (In Russian)
- Zazykin M. *Tsarist power and the law on succession in Russia*. Sofiia, Izdanie knig A. A. Liven, 1924, 193 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 9 сентября 2020 г.

Рекомендована в печать 10 декабря 2020 г.

Received: September 9, 2020

Accepted: December 10, 2020